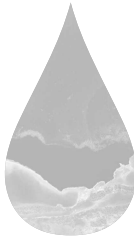
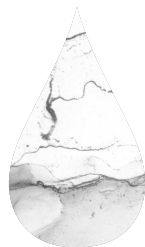
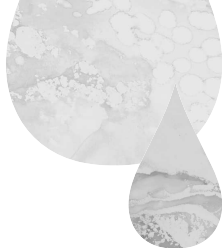

*Посвящается королеве, которая
живет в твоём сердце.
И не важно, что скажут другие.*

Глава 1

ШИРА

Особняк барона фон Эмбрана походил на замок. Усадьба раскинулась вдали от городов, на зеленом холме, и от границы с человеческим царством ее отделяли добрых два часа ходьбы.

По случаю празднования помолвки дочери барон пригласил всех окрестных Высших. Спрятавшись в тени леса, я наблюдала, как их кареты собираются у особняка. Факелы окаймляли подъездной путь, освещая дорогу; музыка и смех доносились до моих ушей, отпугивая лесных зверей. Всех, кроме меня, ведь в глазах высокородных альб я была не лучше зверя.

В конце концов, я ночная альба. Во мне текла не только их кровь; как и многие другие альбы в Пограничье, я целиком и полностью была порождением сумрака. Черные волосы, бледная, словно лунный свет, кожа и кошачьи глаза. Высокородные альбы, кровь которых не была разбавлена ни человеческим наследием, ни мне подобными, смотрели на меня

высока: с отвращением или даже страхом. И это было одной из причин, почему по всему Фархиру встречалось все меньше и меньше ночных альб. Многие подобные мне предпочли жить в лесах и за десятилетия превратились именно в тех животных, которых видели в нас Высшие. Другие отбеливали волосы и связывали себя браком с полукровками, только бы избавить своих детей от той судьбы и проклятия, что были уготованы ночным альбам.

Я, наверное, никогда не узнаю, почему мои родители не пошли тем же путем. Быть может, они видели в этом наследии нечто большее, чем просто проклятие. Но точно не затем, чтобы я использовала свои способности видеть в темноте и бесшумно передвигаться в ночи для разбойничьих налетов. Что бы сказали они, увидев, во что превратилась их дочь без родительского присмотра? Стали бы мной гордиться? Не думаю.

Но это уже давно перестало меня волновать. Я выжила и выжала из своей судьбы лучшее, что она могла мне предложить. Ночь за ночью я доказывала себе это и сегодня сделаю это снова.

Словно одна из разрастающихся теней, я прокралась вверх по пологому холму и обогнула передний двор поместья. Пригнувшись, я почти ползла по земле, возвышаясь лишь на расстоянии вытянутой руки над копытами лошадей, запряженных в кареты; животные не обратили на меня внимания — их спокойствию ничто не помешало. Так, незамеченная, я добралась до башни восточного крыла. По моим сведениям, барон поставил охрану у каждого вхо-

да, но высоко расположенные узкие окна башен оставались незащищенными. Вряд ли можно было предположить, что кто-то способен забраться туда, не говоря уже о том, чтобы протиснуться через эти окна внутрь. В конце концов, они были едва ли шире проемов решетки садовой шпалеры.

Хотя как раз шпалера была бы сейчас очень кстати. Стоя у подножия башни, я взглянула вверх. Стыки между камнями оказались узкими, сама кладка — слишком ровной. Издалека башенная стена выглядела грубее. Но пути назад не было. Я стянула кожаные перчатки, опустилась на корточки и растерла в ладонях горсть сухой песчаной земли. А потом начала взбираться вверх.

Была еще одна вещь, из-за которой нас высмеивали и которая тем не менее несла в себе множество преимуществ, и этой особенностью был рост ночных альб. Большинство высокородных превосходили нас в росте чуть ли не на целую голову. Даже люди — и те были выше нас. Вдобавок большинство ночных альб имели хрупкое, если не сказать тщедушное, телосложение. Сама я весила не больше двенадцатилетнего паренька. Ходили слухи, что одичавшие ночные альбы, обитавшие в лесах, могли совершенно бесшумно перемещаться по деревьям, перескакивая с одной кроны на другую, и я умела вскарабкиваться на каменные стены, почти не прилагая усилий и совершенно не чувствуя тяжести своего веса.

Взобраться на эту башню стоило мне больших усилий, чем я предполагала. Уже на полпути я почувствовала, что задыхаюсь, и прикусила нижнюю

губу. Стыки в кладке едва позволяли мне удерживать тело на весу, а искать подходящее место для того, чтобы подтянуться выше, приходилось слишком долго. Вскоре я почувствовала, что мои физические возможности достигли своего предела. Кончики пальцев горели, а руки начали дрожать.

Я не могла как следует отдышаться, иначе меня тут же обнаружили бы. Быстрый взгляд вниз подсказал мне, что я примерно в трех метрах над землей. С такой высоты я еще могла легко спрыгнуть и бесшумно приземлиться в траве. Но о том, чтобы сдаться, не могло быть и речи. Уж слишком много времени я потратила на разведку. Я решительно перевела взгляд вверх, на одно из окон, и понемногу двинулась дальше.

Взобравшись наверх, я изогнулась и, задержав дыхание, протиснулась в узкий оконный проем. Скользнула внутрь подобно воде, сочащейся сквозь трещину в вазе, и оказалась в темном помещении. Прогибаясь под тяжестью наваленных на них богатств, вдоль стен выстроились столы. Сундуки, составленные в центре комнаты, были так набиты сокровищами, что даже не закрывались.

Я удовлетворенно хмыкнула. Так вот как барон хранил свои ценности. Вместо того чтобы по примеру большинства состоятельных высокородных альб укрыть богатство от алчных взглядов и жадных пальцев под сводами подвалов, он выставлял его на показ. Значит, мои источники не обманули. Барон тешил свое тщеславие, используя любую подходящую возможность, чтобы показать, какое состояние

ему удалось скопить. Наверняка он частенько приводил в эту башню своих любовниц. Я легко могла себе представить, как вспыхивали глаза бедных крестьянских девушек, когда стараниями барона они оказывались в этой сокровищнице.

Эта мысль вызывала у меня отвращение. Я знала такой тип мужчин достаточно хорошо, чтобы одна лишь мысль о возможности украсть у одного из них то, что ему так дорого, принесла мне немалое удовлетворение.

Мои пальцы скользнули по россыпям драгоценностей, золотых цепей и самоцветов — богатство, на которое целая деревня могла бы кормиться весь год. За последние несколько лет я совершила бесчисленное количество краж, хотя в основном обчищала только шкатулки благородных дам и кошельки их мужей. Смотреть на то, как много было накоплено всего лишь одним высокородным, который не мог потратить все эти сокровища даже за всю свою жизнь, было отвратительно до тошноты. Совсем рядом с имением дети гибли от голода прямо на улицах, но барона это, похоже, совсем не волновало.

Остановившись перед одним из сундуков, я присела на корточки и подняла крышку. Сундук был доверху набит золотыми монетами. Намного лучше, чем драгоценные цепи и дорогие перстни. Мне пришлось узнать, насколько трудно было их сбыть. Чем ценнее украшение, тем больше страх скупщиков перед кровопийцами — солдатами королевы. Я сунула руку за пояс лифа и вытащила оттуда пустой

кожаный мешочек. Спустя несколько мгновений он, наполненный золотыми монетами, снова вернулся на прежнее место. Если повезет, барон даже не заметит, что его ограбили. А я смогу возвращаться сюда и совершать подобные кражи так часто, как мне захочется.

Может, это был мой шанс. Может, мне не придется больше браться за опасные заказы, постоянно сбегать откуда-то тайком и встречаться с подозрительными личностями. Может, скоро придет конец постоянному выдумыванию новых планов и жизни в вечном страхе, что моя следующая вылазка может оказаться последней. И все благодаря этому тщеславному подонку — барону фон Эмбрану. Я едва верю в возможность такой надежды.

Голоса, раздавшиеся снаружи, вырвали меня из собственных мыслей. Поднявшись, я прокралась к окну и бросила взгляд вниз. У подножия башни, возле группы лошадей, стояли два конюха.

— Если барон узнает об этом, нам обоим не поздоровится! — прошипел один из них.

— А что же нам делать, если в конюшнях больше нет места? — спросил другой. — К тому же он ничего не узнает. Мы останемся здесь и позаботимся о скотине. И ничего не случится.

Мне хотелось закричать от ярости, но вместо этого я только подняла глаза к небу.

— Спасибо, Мурай! — съязвила я.

Кто, как не сама богиня альб, могла послать мне этих людей? Так, значит, мое высокомерие было наказано. Вот тебе и «повезло»! Теперь я не мог-

ла вернуться тем же путем, которым пробралась сюда. Даже в темноте я, будучи ночной альбой, не могла проскочить мимо конюхов, слоняющихся под окнами. Я должна была найти другой путь отсюда или ждать и надеяться, что они уйдут раньше, чем барон решит показать своим гостям эту комнату. Насколько я знала, это был лишь вопрос времени. Осторожно, на цыпочках, я прокралась от одного окна к другому. То из них, в которое я влезла, я выбрала неспроста. Показаться на освещенном фасаде башни было все равно что крутиться перед носом у местных конюхов. А по другую сторону сооружения возвышались отвесные скалы, так что, попытав счастья там, я скорее всего обрела бы себя на верную смерть.

В отчаянии я бросилась к двери. Тяжелая, сделанная из массива дуба и окованная железом, она наверняка могла выстоять против дюжины мужчин и вела именно в то место, где я ни за что не хотела бы оказаться: в глубь поместья, где как раз сейчас толпились гости барона и его вооруженная стража. При одной лишь мысли о том, что придется пробираться по ярко освещенным коридорам, мое сердце забилось быстрее. Но выбора не оставалось.

Я вытащила маленький, перевязанный бечевкой сверток, развернула его и достала две выдавшие виды отмычки. Опустившись на одно колено, я начала возиться с замком, как вдруг дверную щель заслонила тень.

Этого просто не могло быть! Весь этот вечер, казалось, был проклят. Столько подготовки, такая

легкость вначале, — и потом все пошло наперекосяк. Задыхаясь от злости и разочарования, я торопливо сгребла свои отмычки и прижалась к стене, как раз вовремя, чтобы успеть спрятаться за дверь, когда услышала, что в замке поворачивается ключ.

— Факел! — приказал грубый властный голос.

Дверь отворилась, и свет факела разбавил темноту комнаты. Я затаила дыхание. Каждый раз, когда мне казалось, что меня вот-вот схватят, я принималась перебирать в мыслях все, что могли сотворить со мной кровопийцы, попади я к ним в руки. При этом виселица была бы самым милостивым наказанием. Пытки, публичная порка и отрубание конечностей считались обычными методами королевских солдат. Мысль об этом придавала мне смелости и позволяла сохранять спокойствие в любой, даже самой критической ситуации. Паниковать — значит ошибаться, а этого я не могла себе позволить.

Пожилой высокородный альб, необычайно полный для представителей своего рода, вошел в комнату. Мужчина был одет в бархатные одежды, отороченные норкой, его редящие серебристые волосы украшала золотая диадема, а в руке, унизанной кольцами, он держал факел. Свет упал на соковища, отчего те замерцали. Следом за мужчиной вошли две беспрестанно хихикающие молоденькие девушки.

— Осмотритесь тут, — предложил мужчина. — Выберите себе украшения. Можете потом носить их весь вечер.

— В самом деле? — недоверчиво спросила одна из девушек.

— В самом деле, — пообещал он, поворачивая факел так, чтобы осветить всю комнату до последнего уголка.

И две молоденькие альбы, радостно взвизгнув, бросились на сокровища, словно голодные псы на горстку костей.

Еще один шагок, подумала я, молясь, чтобы в этот раз Мурайя оказалась милостива ко мне. Закрыв глаза, я ждала, целиком обратившись в слух. И вот наконец время пришло. Услышав, как барон сделал еще один шаг в глубь комнаты, я снова открыла глаза и незаметно проскользнула в дверь за его спиной — полностью отдавая себе отчет в том, что с другой стороны меня поджидает, по крайней мере, один из его подчиненных. Торопливо оглядевшись по сторонам, я действительно обнаружила охранника, который вопреки моим опасениям стоял, повернувшись ко мне спиной, и тут же рванула в противоположном направлении. Это было чистой авантюрой. Я прекрасно это знала. С тем же успехом я могла бы броситься прямо в объятия этому мужчине. Но именно это так волновало и увлекало меня.

Хихиканье девушек доносилось до моих ушей даже тогда, когда я достигла лестницы. Я сбежала вниз по ступенькам, которые вели в глубь поместья. Мой путь пролегал мимо гардероба — на первый этаж. Незамеченная служанкой, охранявшей пальто и плащи гостей, я выбрала самую неброскую на-